

ЦѢННАЯ НАХОДКА.

ВНОВЬ НАЙДЕННЫЯ РУКОПИСИ

А. С. ПУШКИНА.

ИЗДАНИЕ

редакціи журнала „Русское Обозрѣніе“.

СООБЩЕНО

Членомъ Симбирской Архивной Коммиссіи

Д. Сапожниковымъ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Типографія Министерства Внутреннихъ Дѣлъ.

1899.

Дозволено цензурою. С -Петербургъ, 4 Мая, 1899 г.

О т ъ и з д а т е л я .

Лавры, вѣнчающія чело Пушкина, столь пышны и величавы, что, разумѣется, находка, предлагаемая нынѣ вниманію читателей, мало можетъ прибавить къ нимъ новаго. Но, разумѣется, также, что не только всякая новая страница, но всякая новая строка, всякое новое слово Пушкина представляютъ несомнѣнный живой интересъ и должны быть тщательно подобраны, изслѣдованы и сохранены. Поэтому мы сердечно признательны г. Сапожникову за его во всякомъ случаѣ крайне интересную и цѣнную находку и спѣшимъ подѣлиться ею съ русскою читающею публикой.

Анатолій Александровъ.

Вновь найденныя рукописи А. С. Пушкина.

Въ іюль 1897 г. пишущій эти строки, вмѣстѣ съ другими членами Симбирской Архивной Комиссіи, посѣтилъ усадьбу П. В. Анненкова, при с. Чириковѣ, Симбирскаго уѣзда, въ 55 верстахъ отъ г. Симбирска.

Въ настоящее время это имѣніе принадлежитъ вдовѣ покойнаго Глафирѣ Александровнѣ Анненковой, проживающей постоянно внѣ предѣловъ Россіи, у дочери, вышедшей замужъ за полковника германской арміи. Усадьба Анненкова окружена большимъ тѣнистымъ запущеннымъ садомъ; въ немъ находится двухъэтажная бесѣдка, въ которой, по мѣстному преданію, жилъ Гоголь, когда гостилъ въ Чириковѣ у Анненкова; въ саду же есть полянка, на которой поставлена деревянная пирамидальная часовня, съ рѣзнымъ изображеніемъ изъ дерева Христа въ темницѣ во весь ростъ. Часовня эта поставлена на мѣстѣ прежней Знаменской церкви, гдѣ и находилось это изображеніе.

Въ полутора верстахъ отъ с. Чирикова расположена дубовая роща, а въ ней довольно большая и высокая насыпь, называемая «Марьинъ бугоръ», такъ же какъ и самая роща называется «Марьина», потому что въ прошломъ столѣтіи въ этой рощѣ, близъ бугра, была убита мѣстная помѣщица Марья Михайловна Анненкова, прабабка Павла Васильевича, двумя своими крѣпостными. Объ этомъ убійствѣ въ библіотекѣ Анненкова имѣется полная копія всего чрезвычайно интереснаго слѣдственнаго производства симбирской провинціальной канцеляріи. «Марьинъ бугоръ» оуруженъ дубами, посаженными

Анненковымъ и Гоголемъ, который очень любилъ эту рошу, и въ предсмертномъ письмѣ къ Анненкову напоминаетъ о ней и просить ее не рубить.

Въ старомъ опустѣвшемъ барскомъ домѣ до сихъ поръ сохранилась довольно богатая библіотека. Кабинетъ покойнаго переполненъ періодическими изданіями за прежніе годы, размѣщенными по полкамъ. Здѣсь можно найти полные экземпляры *Современника*, *Отечественныхъ Записокъ*, *Русской Бесѣды* и другихъ прежнихъ журналовъ за всѣ годы ихъ существованія, а также *Русскаго Вѣстника* съ приложеніями, *Вѣстника Европы* и другихъ. Въ кабинетѣ же хранится прекрасный бюстъ Бѣлинскаго и его посмертная маска и маска Пушкина. Въ письменномъ столѣ, среди разныхъ рукописныхъ документовъ, относящихся преимущественно къ первымъ годамъ существованія с. Чирикова (XVII и XVIII столѣтіямъ), было найдено рѣдкое и дорогое изданіе—«Россійскій Гербовникъ» въ 4 томахъ. Въ сосѣдней комнатѣ помѣщаются три книжныхъ шкафа, одинъ другого интереснѣе. Въ первомъ масса произведеній различныхъ авторовъ, исключительно историческаго содержанія, тутъ же, на нижнихъ полкахъ, въ два ряда собраны полныя собранія сочиненій русскихъ классиковъ,—въ этомъ шкафу хранится и первое Анненковское изданіе полнаго собранія сочиненій Пушкина. Во второмъ шкафу помѣщаются разныя серьезныя произведенія иностранныхъ авторовъ на французскомъ и нѣмецкомъ языкахъ, касающіяся исторіи Россіи, начиная съ Екатерины I, а также и по исторіи французской революціи. Третій шкафъ, хотя и небольшихъ размѣровъ, представляетъ большой интересъ, такъ какъ заключаетъ въ себѣ русскія заграничныя изданія. Въ столовой находится нѣсколько большихъ шкафовъ, переполненныхъ всевозможными французскими иллюстрированными изданіями, исключительно порнографическаго характера. Кромѣ того, въ отдѣльномъ сараѣ, на дворѣ, сложены въ кучу различныя изданія преимущественно прошлаго столѣтія, а также старинные журналы, календари и томы свода законовъ, изъ которыхъ управляющій имѣніемъ Анненкова пожертвовалъ, съ разрѣ-

шенія собственницы, въ библіотекѣ Архивной Комиссіи портретъ П. В. Анненкова и болѣе 50 экземпляровъ разныхъ книгъ.

Здѣсь-то, въ сараѣ, среди залеснѣвѣлыхъ и отчасти даже полусгнившихъ книгъ я и нашелъ рукописи А. С. Пушкина. Всѣхъ 14 листовъ. 1) Это—7, блѣдно-синихъ, толстыхъ листовъ бумаги, въ четвертку каждый, представляющихъ собою отрывки изъ записокъ поэта во время пребыванія его въ лицей и написанныхъ, по всѣмъ вѣроятіямъ, не позднѣе, какъ въ 1815 г. ¹⁾. Отрывки эти сохранились совершенно случайно, такъ какъ въ тридцатыхъ годахъ Пушкинъ предалъ сожженію всѣ свои лицейскія записки.

Эти листки—единственные отрывки изъ записокъ поэта до 1821 года, почему они являются для насъ драгоцѣннымъ памятникомъ, какъ освѣщающіе, хотя отчасти, юность поэта.

Во всѣхъ изданіяхъ сочиненій Пушкина первою, по времени, автобіографическою запиской считался планъ его автобіографіи. Но планъ этотъ составленъ не въ первыхъ годахъ пребыванія его въ лицей, а гораздо позднѣе; въ началѣ этой записки онъ говоритъ о своемъ дѣтствѣ, а въ концѣ касается 1815 года, упоминая о своемъ тщеславіи ¹⁾; замѣтитъ же за собой такіе недостатки, одновременно съ проявленіями ихъ, онъ едва ли могъ въ его 16 лѣтъ; поэтому мы полагаемъ, что такой проектъ предполагаемаго разсказа о самомъ себѣ набросанъ Пушкинымъ уже въ пору его извѣстности на поприщѣ литературы, когда мышленіе его и самосознаніе достигли зрѣлости.

Найденныя нами записки Пушкина начинаются съ отрывка изъ разсказа о докладѣ адъютанта Давыдова генералу Бениксену и кончаются критическою замѣткой о литературной дѣятельности комика кн. Шаховскаго.

2) Кромѣ того найдены рукописи: «Замѣчанія на анналы Та-

¹⁾ Объ этомъ предположеніи будетъ ниже.

²⁾ Соч. А. С. Пушкина, изд. Об. для пособ. нужд. лит. и учен., т. V. стр. I, «Отрывки изъ лицейскихъ записокъ».

цита», элегія «Подъ небомъ голубымъ страны своей родной» и «Замѣтка о холерѣ».

Рукописи эти, въ числѣ другихъ, хранились у самого поэта до дня его смерти ¹⁾. Какъ извѣстно, 28 января 1837 г., когда Пушкинъ лежалъ на смертномъ одрѣ и приближалась роковая минута, Императоръ Николай Павловичъ призвалъ къ себѣ Жуковскаго и сказалъ: «Тебѣ поручаю, если онъ умретъ, запечатать его бумаги,—ты тамъ ихъ самъ разберешь». Приказаніе Государя было исполнено: чрезъ $\frac{3}{4}$ часа по кончинѣ Пушкина Жуковскій приложилъ печать къ дверямъ кабинета покойнаго. Но этого оказалось недостаточнымъ: всѣ рукописи Пушкина прошнурованы были съ пропусками по листамъ полуграмотнымъ писцомъ по порученію опекуновъ «черными цифрами на верху листовъ» и жандармскою властію—красными цифрами посреди листовъ» ²⁾.

Найденныя нами рукописи помѣчены только жандармскою властію.

Всѣ бумаги Пушкина, вошедшія въ опись, перебивались въ рукахъ многихъ лицъ, попали онѣ и къ Анненкову, у котораго пролежали подъ спудомъ нѣсколько лѣтъ, а затѣмъ, по изданіи сочиненій Пушкина, были возвращены имъ по принадлежности; только часть ихъ, найденныя нами 14 листовъ почему-то остались у Анненкова.

При сличеніи ихъ съ изданіями сочиненій Пушкина, мы нашли въ послѣднихъ пропуски не только цѣлыхъ строкъ, но даже страницъ.

Начало этихъ ошибокъ пошло отъ П. В. Анненкова, перваго издателя сочиненій Пушкина. Послѣдующіе же издатели,

1) Всѣ произведенія поэта, впервые появившіяся въ печати послѣ смерти его, хранятся въ Императорской Публичной библиотекѣ, въ С.-Петербургѣ. А рукописи, тоже оставшіяся послѣ смерти Пушкина и вошедшія въ опись вмѣстѣ съ его имуществомъ, пожертвованы старшимъ сыномъ поэта А. А. Пушкинымъ въ Московскій Румянцевскій музей въ 1880 г., во время открытія памятника Пушкину въ Москвѣ. Въ Румянцевскомъ же музеѣ теперь хранятся и рукописи найденныя мною, согласно желанію А. А. Пушкина.

2) *Русская Старина* 1884 г. № 2—12. «Рукописи А. С. Пушкина, хранящіяся въ Румян. музеѣ въ Москвѣ», сообщ. В. Е. Якушкинъ.

не имѣя въ рукахъ оригинала, перепечатывали то, что было помѣщено изъ этихъ записокъ Анненковымъ. При томъ въ печати эти отрывки помѣчены и расположены не въ должномъ порядкѣ ¹⁾. Всѣ неточности и пробѣлы укажемъ въ ссылкахъ.

При этомъ мы будемъ придерживаться правописанія поэта, отличавшагося по этой части самобытностью, что замѣтно при сличеніи изданныхъ сочиненій Пушкина съ газетами, журналами и альманахами, куда посылалъ онъ свои произведенія, а также и съ найденными нами рукописями. Такія орфографическія особенности вполнѣ заслуживаютъ вниманія, какъ образцы грамматическихъ колебаній нашего языка, имѣющіе значеніе въ историческомъ развитіи нашей грамматики, которая и до сихъ поръ является далеко не установившеюся.

Сознавая недостатки своей статьи, я надѣюсь, что не будутъ поставлены мнѣ въ упрекъ нѣкоторые пробѣлы, такъ какъ всѣхъ книгъ, нужныхъ для надлежащихъ справокъ о литературной дѣятельности Пушкина и о посмертной исторіи его рукописей, у насъ въ Симбирскѣ не имѣется.

Полукруглыя скобки () обозначаютъ у меня слова и буквы, зачеркнутыя Пушкинымъ, а скобки прямоугольныя [] обозначаютъ слоги и буквы, недописанные или пропущенные имъ; если же слова поставлены въ скобкахъ съ боковыми тире — () —, то это значитъ, что и поэтъ поставилъ ихъ въ скобки; слова и строки, напечатанныя **жирнымъ** шрифтомъ, обозначаютъ, что они были подчеркнуты Пушкинымъ; слова же и строки, *не показанія* въ изданія сочиненій Пушкина, внесены въ статью мою *рукописнымъ* шрифтомъ (*курсивомъ*).

I.

На первомъ листѣ записокъ находимъ продолженіе анекдота, который былъ въ послѣдствіи рассказанъ Пушкинымъ нѣсколько въ иномъ видѣ ²⁾.

1) А именно: «8 ноября», «10 декабря» и «19» (?); между тѣмъ, слѣдуетъ читать: «28 ноября», «29» (ноября), «10 декабря» и «17» (декабря).

2) Соч. А. С. Пушкина, изд. Об. для пос. нуж. лит. и уч. т. V, стр. 271.

«..... большой Грузинскій носъ, а партизанъ почти и ¹⁾ вовсе былъ безъ носу.—Д..... ²⁾ является къ Б....ену. «Князь Б....онъ ³⁾, говоритъ, прислалъ меня доложить Вашему Высокопревосходительству, что непріятель у насъ на носу..... — На *какомъ* ⁴⁾ носу, Д. В.? отвѣчаетъ генераль. Еже ли на вашемъ, *такъ* ⁵⁾ онъ уже близко; если же на носу князя Б....она, то мы успѣемъ еще отобѣдать.

Жуковскій даритъ мнѣ свои стихотворенія ⁶⁾».

Послѣднія строки свидѣтельствуютъ, что уже въ 1815 г. Жуковскій видѣлъ въ Пушкинѣ знаменитаго впоследствии поэта и въ знакъ поощренія подарилъ ему изданіе своихъ стихотвореній.

Кромѣ того, извѣстно, что онъ, часто заѣзжая въ Царское Село освѣдомляться объ успѣхахъ въ лицѣ Пушкина, отдавалъ ему для оцѣнки свои стихотворенія, а впоследствии даже подарилъ портретъ свой съ надписью: «ученику отъ побѣжденнаго учителя». Самъ историкъ Карамзинъ, принимая у себя въ кабинетѣ Пушкина, неоднократно прочитывалъ ему цѣлыя страницы своего труда и со вниманіемъ выслушивалъ сужденія молодого писателя.

Далѣе записка Пушкина, помѣченная 28 ноября [а не 8], говоритъ о томъ, что извѣстнаго драматурга кн. Александра Александровича Шаховскаго увѣнчали «лавровымъ вѣнкомъ» Александръ Семеновичъ Шишковъ, впоследствии президентъ Россійской Академіи, и поэтесса Анна Петровна Бунина ⁷⁾, а ниже написана пьеса подъ названіемъ «Вѣнчанье Шутовскаго».

Вотъ что говоритъ подлинникъ ⁸⁾:

¹⁾ Въ печати «и» нѣтъ.

²⁾ Давыдовъ Денисъ Васильевичъ. Тамъ же, т. V, стр. 211 и 271.

³⁾ Вагратионъ Ив. Ив. Тамъ же, т. V, стр. 2 и 271.

⁴⁾ Въ печати: «На чьемъ».

⁵⁾ Въ печати «то онъ».

⁶⁾ Тамъ же, т. V, стр. 2.

⁷⁾ А. П. Бунина (1774—1829 г.), членъ «Бесѣды любителей Россійской словесности». Собр. стих. ея вышло въ С.-Петербургѣ, 1819—1821 г.г., въ трехъ частяхъ.

⁸⁾ 1, 2 и начало 3 листа найденной рукописи. Печатаемое же стихотвореніе «Гимнъ на голосъ: de Vuhamel» въ печать не вошло, за исключеніемъ

«28 ноября.

Ш...овъ и г-жа Б...на увѣнчали недавно кн. Шаховскаго лавровымъ вѣнкомъ; на этотъ случай сочинили очень остроумную піесу подъ названіемъ:

«**Вѣнчанье Шутовскаго**».

—(Гимнъ на голосъ: de Buhamel)—

Вчера въ торжественномъ вѣнчаньи (собраньи)

Творца **затѣй**

Мы зрѣли полное собранье

Бесѣды всей.

И всѣ въ одинъ кричали строй:

Хвала, хвала тебѣ, о Шутовской!

Хвала Герой!

Хвала Герой!

* * *

Онъ злой Карамзина гонитель,

Гроза Балладъ,

Въ бесѣдѣ добрый усыпитель,

Хлыстову братъ,

И врагъ талантовъ записной!

[Хвала, хвала, тебѣ, о Шутовской!]

Хвала Герой!

Хвала Герой!

* * *

*Всей братьи далъ свои онъ **Шубы***

И всѣ дрожатъ!

Его величіе не трубы—

Свистки гласятъ.

емъ первыхъ 14 строкъ, которыя помѣщены у П. В. Анненкова.—«А. С. Пушкинъ. Мат. для его біографіи и оцѣнки его произведеній.» СПб. 1873 г., стр. 20.

Онъ милъ и тѣломъ и душой!
 Хвала, хвала тебѣ, о Шутовской!
 Хвала Герой!
 Хвала Герой!

* * *

И вотъ подѣ сънью обветшалой
 Старикъ съдой!
 Предъ нимъ вязанки прозы вялой,
 Псалтырь въ десной,
 Кругомъ поэтовъ блѣдный строй:
 Хвала, хвала тебѣ, старикъ съдой! (о Шутовской).
 О дѣдъ съдой (bis)
 (Хвала Герой!
 Хвала Герой!)

* * *

И вдругъ раздался за дверями
 И скрытъ и вой—
 Идутъ сотрудники съ удками
 И самъ Герой,
 Поетъ онъ гимнъ вѣнчальный свой:
 Хвала, хвала тебѣ, о Шутовской!
 Хвала Герой!
 Хвала Герой!

* * *

„Я князь, поэтъ, Директоръ, воинъ,
 „Вездѣ великъ,
 „Вѣнца лавроваго достоинъ
 „Мой тучный ликъ.
 „Вѣнчая, пойте всей толпой:
 „Хвала, хвала тебѣ, о Шутовской!
 „Хвала Герой!
 „Хвала Герой!

* *
*

„Писалъ я на друзей пасквили
 „И на Отца,
 „Поэмы, тощи водевили—
 „Имъ нѣтъ конца.
 „И **ВОДЫ** я пишу водой.
 „Хвала, хвала тебѣ, о Шутовской!
 „Тебѣ Герой!
 „Тебѣ Герой!

* *
*

„Еврей мой написалъ Дебору,
 „А я списалъ,
 „Въ моихъ твореньяхъ много сору—
 „Кто жъ ихъ читалъ?
 „Доволенъ право я собой.
 „Хвала, хвала тебѣ, о Шутовской!
 „Хвала Герой!
 „Хвала Герой!“

* *
*

Потомъ къ Макару и Ежевой
 Герой бѣжитъ.
 „Вотъ орденъ мой—вънокъ лавровый.
 „Пусть буду битъ.
 „За то увѣнчанъ красотой!
 „Хвала, хвала тебѣ, о Шутовской!
 „Хвала Герой!
 „Хвала Герой!“¹⁾

1) Подъ буквами NN напечатаны въ *Сынъ Отечества* 1815 г. въ № № 40 и 45 слѣдующія эпиграммы на князя Шаховскаго:

Эпиграмма.

Нашъ комикъ Шутовской хоть любить увязить,
 Но осторожности своей не измѣняетъ:

Мы видимъ, что въ этой сатирѣ, кромѣ сѣдого старца А. С. Шишкова (по предложенію котораго впоследствии, а именно 3 декабря 1832 г., Пушкинъ былъ единогласно избранъ членомъ Россійской Академіи), осмѣиваются и другіе писатели, какъ-то: Димитрій Ивановичъ Хвостовъ, князь Шихматовъ (Ширинскій) и С. С. Бобровъ, которые были плохими стихотворцами, создателями „твореній громкихъ“, „Риематовъ, Графовъ и тяжелый Бибрусь“¹⁾. Что касается Ежевой, то это была тогдашняя петербургская актриса²⁾.

Анненковъ, признавая эту сатиру слабоватою, не помѣстилъ ее въ своихъ „матеріалахъ“, за исключеніемъ нѣсколькихъ строкъ.

Она указываетъ на комедіи князя Шаховскаго, подъ названіемъ „Новый Стернь“ и „Липецкія воды“, бывшія пародіями на баллады Жуковскаго и сантиментальность Карамзина, упоминаетъ о комедіи „Шубы“ и задѣваетъ вскользь еще другія произведенія. Эпитетомъ же „записного гонителя талантовъ“ награжденъ здѣсь князь Шаховской не только за указанныя нами его комедіи, но, вѣроятно, и за предполагаемое недоброжелательство его къ успѣхамъ извѣстнаго драматурга тѣхъ годовъ Владиміра Александровича Озерова

Умѣеть онъ всегда сначала усыпить,
Да соннаго ужъ смѣло и ругаетъ.

N. N.

Отъ Аполлона.

На замѣчанье Фебъ даетъ,
Что отъ какихъ-то водъ
Парнаскій весь народъ
Шумить, кричить и дѣло забываетъ,
И потому онъ объявляетъ,
Что толки всѣ о Лицецкихъ водахъ
(Въ укору, въ похвалу, и въ прозѣ, и въ стихахъ)
Написаны и преданы тисненью
Не по его внушенію.

1) Соч. А. С. Пушкина, изд. Об. для пособ. нужд. лит. и учен., т. I, стр. 9 «Къ другу стихотворцу»; ст. 62 «Бова».

2) Тамъ же, т. IV, стр. 410 (416) «Русскій Пеламъ».

Такой взглядъ на Шаховскаго былъ у Пушкина результатомъ вліянія на него его кружка; но онъ же первый и опустилъ оружіе, какъ скоро ознакомился съ понятіями князя Шаховскаго, о чемъ скажемъ ниже.

Послѣ приведенной нами сатиры читаемъ ¹⁾ о восторженномъ чувствѣ Пушкина къ сестрѣ его товарища по лицу ²⁾— К. П. Бакуниной.

Эти строки дышать волненіемъ воображаемой страсти юнаго поэта. Такое волненіе вызывалось въ немъ самыми незначительными обстоятельствами какъ въ раннюю пору молодости ³⁾, такъ и нѣсколько лѣтъ спустя. Пушкинъ, вспоминая о Бакуниной, писалъ:

...Опа внушала первый сонъ,
И мысль объ ней одушевляла
Безвѣстной лиры первый звонъ ⁴⁾.

Найденный же нами подлинникъ говоритъ:

„29 [ноября].

И такъ я щастливъ былъ, и такъ я наслаждался,
Отрадой тихою, восторгомъ упивался...
И гдѣ веселья быстрый день?
Промчался летомъ сновидѣнья,
Увяла прелесть наслажденья
И снова вокругъ меня угрюмой скуки тѣнь.
Я щастливъ былъ!.....

нѣтъ, я вчера не былъ щастливъ, поутру я мучился ожиданьемъ, съ неописаннымъ волненіемъ стоя подѣ окошкомъ, смот-

¹⁾ Въ началѣ 3 листа записокъ найденной рукописи помѣчено «29» (ноября).

²⁾ Александръ Павловичъ Бакунинъ, бывший офицеръ гвардіи, умеръ въ чинѣ тайнаго совѣтника.

³⁾ Къ ней относятся стихотворенія: т. I, стр. 94 «Къ живописцу», стр. 142 «Разлука», стр. 148 «Слеза», и стр. 180 «К. П. Бакуниной».

⁴⁾ Тамъ же, т. I, стр. 195.

рѣлъ на снѣжную дорогу—ее не видно было,—наконецъ, я потерялъ надежду, вдругъ нечаянно встрѣчаюсь съ нею на лѣстницѣ, сладкая минута!..

Онъ пѣлъ любовь—но былъ печаленъ гласъ,
Увы, онъ зналъ любви одну лишь муку!..

Жуковскій.

Какъ она мила была!

Какъ черное платье пристало къ милой Б[акунинной]!

Но я не видѣлъ ее 18 часовъ—ахъ!

Какое положенъе, какая мука! ¹⁾.—Но я былъ щастливъ
5 минутъ ²⁾.

Подъ послѣднею строкой мы находимъ интересную замѣтку ³⁾ Пушкина, помѣченную 10 декабря, о его романѣ „Фатама“ и намѣреніи написать „ироическую поэму“ Игорь и Ольга; но вмѣсто нихъ онъ выпустилъ эпиграмму на А. А. Шаховскаго, П. А. Шихматова (Ширинскаго) и А. С. Шишкова.

„10 декабря.

Вчера написалъ я третью главу **Фатама или разума человѣческаго: Право естественное**. Читалъ ее С. С. ⁴⁾ и вечеромъ съ товарищами тушилъ свѣчки и лампы въ залѣ. Прекрасное занятіе для философа! Поутру читалъ **Жизнь Вольтера**.

Началъ я комедію,—не знаю, кончу ли ее.

Третьяго дни хотѣлъ я *начать* ⁵⁾ ироическую поэму: Игорь

1) Эти двѣ строки въ печать не вошли.

2) Тамъ же, т. V, стр. 3.

3) На оборотѣ 3 листа найденной рукописи помѣчено 10 декабря.

4) Въ изданіяхъ же сочиненій Пушкина написано: «Разумъ человѣчскій, читалъ ее С. С.».

5) Въ печати—«написать».

и Ольга ¹⁾),—а написалъ эпиграмму на Шах., Шихм. и Шии.,
вотъ она:

*Урюмыкъ тройка есть пьвицовъ,
Шихм., Шах., Шии...овъ.
Уму есть тройка супостатовъ,
Шии..наиъ, Шах., Шихм...атовъ.
Но кто глупый изъ тройки злой:
Шии., Шихм., Шах...ой?'*

Не только ранѣе, но и въ этой замѣткѣ Пушкина ясно проглядываетъ стремленіе его къ литературной дѣятельности. „Нѣкоторые его товарищи“,—говоритъ Анненковъ,—„еще помнятъ содержаніе романа „Фатама“, написаннаго по образцу сказокъ Вольтера“. Дѣло шло о двухъ старикахъ, молившихъ небо даровать имъ сына, жизнь котораго была бы исполнена всѣхъ возможныхъ благъ. Хорошая фея возвѣщаетъ имъ, что у нихъ родится сынъ, который въ самый день рожденія достигнетъ возмужалости, и вслѣдъ затѣмъ почестей, богатства и славы. Старики радуются, но фея полагаетъ условіе, говоря, что естественный порядокъ вещей можетъ быть нарушенъ, но не уничтоженъ совершенно: волшебный сынъ ихъ съ годами будетъ терять свои блага и нисходить къ прежнему своему состоянію, переживая вмѣстѣ съ тѣмъ года юности, отрочества и младенчества до тѣхъ поръ, пока снова очутится въ рукахъ ихъ беспомощнымъ ребенкомъ. Моральная сторона сказки состояла въ томъ, что измѣненіе натуральнаго хода вещей никогда не можетъ быть къ лучшему“ ²⁾).

О начатой Пушкинымъ комедіи и романѣ „Фатама“ никакихъ слѣдовъ въ изданіяхъ сочиненій Пушкина не осталось, такъ какъ эти произведенія, по словамъ Анненкова же, Пушкинымъ были уничтожены.

Послѣ невошедшей въ печать эпиграммы на Шаховскаго,

1) Тамъ же, т. V, стр. 2.

2) П. В. Анненковъ. «А. С. Пушкинъ. Мат. для его біограф. . . .», стр. 22.
2

Шихматова и Шишкова слѣдуетъ „Картина Царскаго Села“, которая могла бы служить продолженіемъ пьесы „Воспоминанія въ Царскомъ Селѣ“¹⁾).

„Лѣтомъ напишу я Картину Царскаго Села.

- 1) Картина Сада.
2. Дворецъ. День въ Ц. С.
3. Утреннее гулянье.
4. Полуденное гулянье.
5. Вечернее гулянье.
6. Жители Сарскаго²⁾ Села.

Вотъ главные предметы всендневныхъ моихъ *записокъ*³⁾.

Но это еще **будущее**“⁴⁾.

Ниже этой программы идутъ одинъ за другимъ куплеты⁵⁾ ученика съ любимыми словами профессоровъ и товарищей, окружавшихъ Пушкина, „но“, говоритъ Анненковъ, „въ печать они не вошли⁶⁾“, такъ какъ значеніе и соль этихъ куплетовъ совершенно пропали“; однако, они любопытны, какъ рисующіе картинку изъ школьной жизни Пушкина въ кругу товарищей, среди которыхъ онъ вращался.

Эти куплеты касаются: профессоровъ Кайданова (1816—1841), Куницина (1816), адъюнктовъ: Георгіевскаго (1815—

1) Тамъ же, стр. 22.

2) Въ печати—«Царскаго».

3) Въ печати—«занятій».

4) Соч. А. С. Пушкина, изд. Общ. для пос. нуж. лит. и учен., т. V, стр. 2. Что здѣсь разумѣль Пушкинъ? Если онъ говоритъ о «Воспоминаніяхъ въ Царскомъ Селѣ», произведшихъ много шуму въ Петербургѣ, то приведенныя нами записки Пушкина должны быть отнесены къ 1814 г., такъ какъ это стихотвореніе читалось въ лицей на экзаменахъ 4-го января 1815 г.; но такое предположеніе опровергается другою замѣткой Пушкина «Мои мысли о Шаховскомъ», гдѣ Пушкинъ говоритъ о «Липецкихъ водахъ», на которыя появилась критика въ *Сынъ Отечества* въ ноябрѣ 1815 г. См. по этому поводу мою замѣтку ниже.

5) На 4 листѣ найденной рукописи, переносясь на 5.

6) За исключеніемъ 12 строкъ. См. «А. С. Пушкинъ. Мат.»... П. В. Анненкова, стр. 23.

1828), Карцева (1811—1816), доктора Пещель (1811—1842) ¹⁾, преподавателя Вильмъ (1815—1817), гувернеровъ—Гакенъ (1813), Владиславлева (1813—1815), Иконникова (1811—1812) ²⁾ и другихъ; Волховскій ³⁾ же былъ товарищъ Пушкина по лицу ⁴⁾.

„Вчера не тушили свѣчекъ; за то тѣли куплеты на голосъ:
„бери себѣ повесть“. Затиху, сколько могу упомнить:

На Георг[ьевскаго.]

Предположивъ—и дальше—

На грацію намекъ

Ну-съ—Августинъ богословъ—

Профессоръ Бутервекъ,—

ИЛИ *Надъ печкою богословъ,
А въ печкѣ Бутервекъ.*

*
* *

Потомъ Ниобы группа—

Корреджіевъ тѣма—свѣтъ.

Прелестна Граціозность—

И щастливъ онъ поэтъ.

*
* *

На Кайд(анова.)

Потише, животины!

Да долго ль, говорю?

Потише—Бомгольмъ, Борнгольмъ,

Еще разъ повторю.

¹⁾ Соч. А. С. Пушкина, изд. Общ. для пос. нуж. лит. и учен., т. I, стр. 161 [«На Лицейскаго дядьку Созонова, оказавшагося убійцей».]

²⁾ Тамъ же, т. V, стр. 3—4.

³⁾ Тамъ же, т. I, стр. 356 (361) «19 октября 1825 г.»; т. IV, стр. 412 (436, 441) «Пушкинъ въ Арламасѣ»; т. V, стр. 200 (205) «Отрывки изъ дневника».

⁴⁾ См. «Пам. книж. Импер. Александр. лицея на 1886 г.» СПб. 1886 г.

Примѣчаніе. Волховскій Владиміръ Дмитриевичъ (одного изъ лицея выпуска съ Пушкинымъ) окончилъ курсъ съ золотою медалью; умеръ въ чинѣ генералъ-лейтенанта начальникомъ штаба на Кавказѣ при Ермоловѣ.

*
* *

На Кари[ева.]

Какіе жъ вы лънивицы!
 Ну на кого напасть?
 Да нутика, Вольховскій.
 Вы ересь понесли.

*
* *

А что читаетъ Пушкинъ?
 Подайте-ка сюды!
 Ступай изъ класса съ Богомъ,
 Назадъ не приходи.—

*
* *

А слышали ль вы новость?
 Нашъ докторъ сталъ лънивъ (или ревнивъ)
 Драгуна посылаетъ, } И графъ
 Чтобъ отпереть жену } или послалъ
 драгуна.

*
* *

А Камаражъ взбѣсилъся,
 Романа обокралъ,
 А Фридебургъ свалился,
 А графъ захохоталъ.

*
* *

Нашъ Докторъ хромоглазой
 Въ банкъ выигралъ вчера,
 А слѣдственно гоняетъ
 Онъ лошадей съ утра.

*
* *

На Шумахера.

Скажише мнѣ шастницы
 Какъ на прымъръ: Wenn so,

Ge, weiniger und desto.

Die Sonne scheint also.

На Гакена.

Мольшати! я самъ фидала,

Мольшати! Я Губернеръ!

Мольшати! ты самъ софрала—

Пошалуясь теперь.

*
* *

На Вл[адиславлева.]

Матвѣюшка, дай соли,

Нѣтъ моченьки, мой свѣтъ (или братъ, нѣтъ).

Служилъ я государю

Одиннадцать ужъ лѣтъ.

*
* *

На Лав.

Bonjour, messieurs—потиие!

Поводѣмъ не играй!

Ужъ я тебя потышу!

A quand l'Equitation.

*
* *

На Вил[ьма.]

Лишь для безумцевъ, Зульма,

Вино запрещено.

А Вильмушкѣ поэту

Стихи писать урѣшино. } *или*
А не даны поэту
Ни геній, ни вино.

*
* *

На Зяб. и Петр.

Какой столичный городъ?

Желательно бы знать.—

А что такое воротъ?

Извольте мнѣ сказать.

*
* **На Ик[онникова.]*

*Скажите: разъ, два, три—
Тутъ скажутъ въ скоты:
Да идъ же ей возрасти?
Да на святой Руси!*

*
* **На Кун[ицына.]*

*Извѣстенъ третій способъ
Черезъ окутчиковъ.
Въ семъ случаѣ помѣщикъ
Владѣлецъ лишь земли!*

Послѣ этихъ куплетовъ мы видимъ предъ собою первый опытъ Пушкина обрисовать характеръ одного изъ окружающихъ его типовъ, а именно читаемъ характеристику Иконникова ¹⁾, гувернера лица, недолго тамъ служившаго.

„17 [Декабря.]

Вчера провелъ я вечеръ съ Ик[онниковымъ.]

Хотите ли ²⁾ видѣть страннаго человѣка, чудака, посмотрите на Ик—, поступки его—поступки сумасшедшаго; вы входите въ его комнату: видите высокаго худого человѣка, въ черномъ сертукѣ, съ шеей окутанной черномъ изорванномъ платкомъ. Лицо блѣдное, волосы не острижены, не расчесаны: онъ стоитъ задумавшись, кулакомъ нюхаетъ табакъ изъ коробочки, онъ дико смотритъ на васъ, вы ему близко знакомый, вы ему родственникъ или другъ, онъ васъ не узнаетъ, вы подходите, зовете его по имени, говорите свое имя, онъ вскрикиваетъ, кидается на шею, цѣлуетъ, жметъ руку, хохочетъ задушеннымъ голосомъ, кланяется, садится, начинаетъ рѣчь, недоканчиваетъ, третъ себѣ лобъ, ерошитъ голову, вздыхаетъ,

¹⁾ 6 листъ рукописи помѣченъ «17» (декабря).

²⁾ Въ печати—«хотите ли вы».

переднимъ (sic) парафинъ (sic) воды, онъ наливаетъ стаканъ и пьетъ, наливаетъ другой, третій, четвертый—спрашиваетъ еще воды и еще пьетъ, говоритъ о своемъ бѣдномъ положеніи—онъ не имѣетъ ни денегъ, ни мѣста, ни покровительства—ходитъ пѣшкомъ изъ П[етербурга] въ Ц[арское] С[ело], чтобы освѣдомиться о какомъ то мѣстѣ которое обѣщаль ему какой то шарлатанъ—онъ бѣденъ, гордъ и дерзокъ, разсыпается въ благодареньяхъ за ничтожную услугу или простую учтивость, неблагодаренъ и даже сердится за благодарѣнье ему оказанное, легкомысленъ до чрезвычайности, мнителенъ, чувствителенъ, честолюбивъ. Ик. имѣетъ дарованья, пишетъ изрядно стихи и любитъ поэзію: вы читаете ему свою піэсу, на отрѣзъ говоритъ онъ: такое то мѣсто глупо, безъ смысла, низко—за то за самыя посредственныя стихи кидается Вамъ на шею и называетъ Васъ гениемъ, иногда онъ учтивъ до безконечности, въ другое время грубъ нестерпимо, его любятъ иногда, смѣшать онъ часто, а жалокъ почти всегда“¹⁾).

Послѣдняя лицейская записка Пушкина за 1815 г. представляетъ собою критическую замѣтку о сочиненіяхъ кн. Шаховскаго²⁾ и заключаетъ въ себѣ лишь наброски мыслей писателя, а не цѣлый критическій опытъ о произведеніяхъ комика; большая часть этой записки въ печать не вошла.

¹⁾ Соч. А. С. Пушкина, изд. Общ. для пос. нуж. лит. и учен., т. V, стр. 3—4.

Примѣчаніе. Здѣсь встрѣчается вопросъ, который рѣшить мы не беремся: найденныя нами рукописи мы относимъ къ 1815 г., издатели же сочиненій Пушкина—къ 1816 г., между тѣмъ въ «Памятной книжкѣ Императорскаго Александровскаго лица за 1886 г.», стр. 33, указанъ гувернеръ Иконниковъ служащимъ въ лицей 1811—1812 г., а Пушкинъ въ своей замѣткѣ говоритъ: «Вчера провелъ я вечеръ съ Иконниковымъ» Въ какомъ же именно году?

²⁾ 7 листь рукописи.

Примѣчаніе. О Шаховскомъ см. «Соч. А. С. Пушкина, изд. Общ. для пос. нуж. лит. и учен.», т. I, стр. 157. Письмо къ В. Л. Пушкину», т. II, стр. 274. «Эпизодъ», т. III. «Евгеній Онѣгинъ», стр. 234 (241), т. IV. «Русскій Пеламъ», стр. 406 (410), т. V, стр. 2, стр. 23, № 15, ст. 54, № 42, ст. 40 (42). «Остатки автобіографіи», т. VII, ст. 2, № 1, ст. 5, № 3, ст. 23, № 15, ст. 40, № 29, ст. 42, № 31, ст. 121, № 107, ст. 154, № 139.

„Мои мысли о Шаховскомъ.

Шаховскій никогда не хотѣлъ учиться своему искусству и сталъ посредственный стихотворецъ. Шах. не имѣетъ большова вкуса, онъ худой писатель. Чтожъ онъ такой? ¹⁾ не глупой человекъ,—который замѣчая все смѣшное или замысловатое въ обществахъ (другихъ) пришедъ домой все записываетъ и потомъ какъ ни попало вклеиваетъ въ свои комедіи ²⁾.

Онъ написалъ: **Новаго Стерна**; *холодный пасквиль на Карамзина.*

Онъ написалъ водевилъ **Ломоносовъ**: представилъ отца русской поэзіи въ кабакъ, и заставилъ его нѣмцами говорить дерзкія его стихи и разтянулъ на три дѣйствія два или три занимательныя сцены.

Онъ написалъ **Козакъ стихотворецъ**,—въ немъ есть щастливыя слова, пѣсни замысловатыя—но нѣтъ даже и тѣни ни завязки, ни развязки. **Маруся** занимаетъ, но всѣ прочія холодны и скучны.

Ни говорю о *Встрѣчѣ незваныхъ*—пустомъ представленіи, безъ малѣйшаго искусства или занимательности.

Онъ написалъ поэму **Шубы**, и всѣ дрожатъ.

Наконецъ онъ написалъ **Кокетку**.

И наконецъ, написалъ онъ комедію—хотя исполненную ошибокъ во всѣхъ родахъ, въ продолженіи 3 первыхъ дѣйствій холодную и скучную и безъ завязки, но все комедію.

Первыя ея явленія скучны. *Князь Холмскій*—лицо не дѣйствующее, усыпительный проповѣдникъ, надутый педантъ—и въ *Липецкѣ* принѣзжаетъ только для того, что бы пошептать на ухо своей теткѣ въ концѣ 5 дѣйствія ³⁾.

Извѣстно, что Пушкинъ съ выходомъ въ свѣтъ его первыхъ произведеній уже занесенъ былъ въ списки кружка

¹⁾ Въ печати—«такое».

²⁾ Тамъ же, т. V. стр. 2.

³⁾ Приведенные 7 листовъ записокъ Пушкина помѣчены только жандармскою властью цифрами: 24, второй листъ не помѣченъ, на остальныхъ же листахъ цифры: 25, 26, 27, 28 и 29.

«Арзамасъ» ¹⁾, шедшаго противъ направленія «солиднаго» общества «Бесѣды», отличавшагося своею важностью», рутинной въ литературѣ и въ то же время «особою торжественностью» своихъ засѣданій.

«Арзамасцы» же, отличаясь быстротой, бойкостью, остроуміемъ и мѣткостью своихъ сужденій, предавали строгой оцѣнкѣ и насмѣшкамъ произведенія членовъ «Бесѣды», обращая при этомъ вниманіе на правильность выраженій, вѣрность образовъ и выборъ предметовъ. Вотъ почему и Пушкинъ, какъ членъ общества «Арзамасъ», критиковалъ труды кн. Шаховскаго ²⁾.

Но въ качествѣ критика онъ старался быть справедливымъ, находясь подъ вліяніемъ благородной личности П. А. Катенина. Сближеніе ихъ произошло оригинально. Пушкинъ просто пришелъ къ нему и, подавъ свою трость, сказалъ:

Я пришелъ къ вамъ, какъ Диогенъ къ Антисфену: побей,

1) Пушкинъ получилъ за свое остроуміе прозвище «Сверчокъ», и подъ этимъ именемъ первый разъ появилась въ печати въ «Сынъ Отечества» его пьеса «Мыслитель» въ 1818 г.

2) Хотя Пушкинъ до выхода изъ лица и не имѣлъ права быть членомъ общества «Арзамасъ», такъ какъ это воспрещено было ученикамъ лица, тѣмъ не менѣе прозвище «Сверчокъ» ему уже было дано, потому что, по выраженію одного изъ арзамасцевъ, «Пушкинъ, находясь въ нѣкоторомъ отдаленіи отъ С.-Пб., спрятавшись въ стѣнахъ лица, прекрасными стихами уже подавалъ оттуда звонкій голосъ». (См. «Москов. Вѣдом.» 1856 г., № 142.) Въ число же членовъ этого общества онъ вступилъ въ октябрѣ 1817 года. Имъ произнесена была вступительная рѣчь александринскими стихами. П. Бартевевъ сообщаетъ сохранившееся въ памяти кн. Вяземскаго начало этой рѣчи:

«Вѣнецъ желаніямъ! И такъ я вижу васъ,
«О други свѣтлыхъ Музъ, о дивный Арзамасъ!

.....
«Гдѣ славилъ нашъ Тиртей кисель и Александра,
«Гдѣ смерть Захарову пророчила Касандра.

Тиртеемъ названъ Жуковский, и здѣсь указано его стихотвореніе «Овсяный кисель». Послѣдній стихъ объясняется обыкновеніемъ Арзамаса говорить надгробныя похвальныя слова мнимымъ мертвецамъ изъ членовъ общества «Бесѣды». Случилось, что черезъ нѣсколько дней послѣ подобной рѣчи Касандры (гр. Д. Н. Влудовъ) мнимый покойникъ Захаровъ дѣйствительно умеръ. (Соч. А. С. Пушкина, изд. Общ. для пособ. нуж. лит. и учеб., т. стр. 158.)

но науки». «Ученаго учить, только поргить»,—отвѣтилъ Катенинъ. Съ тѣхъ поръ они сдѣлались друзьями, и Катенинъ въ томъ же году помирилъ Пушкина съ кн. Шаховскимъ ¹⁾.

Но Пушкинъ писалъ свои «мысли о Шаховскомъ» и остроумную пьесу «Гимнъ на голосъ de Buhamel» гораздо ранѣе: «Новый Стернь» и «Липецкія воды» появились въ свѣтъ до 1816 года.

Послѣднія были поставлены на сценѣ Малаго театра въ сентябрѣ 1815 г. Критическую замѣтку о нихъ находимъ въ «Сынъ Отечества» за ноябрь того же года ²⁾.

Это обстоятельство даетъ намъ основаніе опредѣлить время написанія выше приведенныхъ замѣтокъ.

Всѣ издатели его сочиненій относятъ ихъ къ 1816 году. Но не можетъ быть, чтобы Пушкинъ, вмѣстѣ съ своими товарищами, предавалъ насмѣшкамъ комедію цѣлый годъ спустя послѣ появленія ея на сценѣ: о подобныхъ произведеніяхъ обыкновенно идетъ разговоръ при ихъ появленіи. А потому можно съ вѣроятностью заключить, что «Мысли о кн. Шаховскомъ» написаны имъ въ 1815 году.

Къ тому же году относятся и всѣ другія найденныя нами записки.

¹⁾ Пушкинъ самъ пріѣхалъ къ князю и былъ имъ любезно принятъ. Съ тѣхъ поръ между ними завязались дружескія отношенія, нисколько, впрочемъ, не измѣнившія ихъ убѣжденій.

Вотъ какой былъ разговоръ о кн. Шаховскомъ у Катенина съ Пушкинымъ, когда они возвращались въ тотъ вечеръ домой.

— Save vous,—сказалъ Пушкинъ.— qu'il est très bon homme au fond? Jamais je ne croirai qu'il ait voulu nuire sérieusement à Ozerow, ni à qui ce soit.—«Vous l'avez cru pourtant, отвѣчалъ Катенинъ, vous l'avez écrit et publié; voilà le mal».

— Heureusement,—сказалъ Пушкинъ,—personne n'a lu ce barbouillage d'écolier; pensez-vous qu'il en sache quelque chose?—«Non, car il ne m'en a jamais parlé!»—Тaut mieux, faisons comme lui, et n'en parlons jamais.—

См. П. В. Анненковъ «А. С. Пушкинъ. Мат. для его біографіи», стр. 51.

²⁾ «Сынъ Отечества» 1815 г., №№ 11 и 45.

II.

1824—1825 года А. С. Пушкинъ проводилъ въ с. Михайловскомъ. Такое уединеніе вдали отъ рутины будничной жизни и мелочныхъ городскихъ дрягъ приводило его къ созерцанію природы, сосредоточенію мыслей, развитію фантазіи, идей и таланта; посвящалъ онъ также много времени и на ознакомленіе свое съ классическими писателями, а въ деревнѣ была обширная бібліотека, которая увеличивалась съ каждою почтой изъ Петербурга. Опальный молодой поэтъ каждый разъ съ увлеченіемъ и даже страстью набрасывался на получаемыя книги, журналы, брошюры и письма, получая всю разнообразную литературу тѣхъ годовъ.

Читалъ онъ все съ карандашемъ или перомъ въ рукахъ, дѣлалъ на поляхъ страницъ летучія замѣтки, о болѣе же важныхъ трудахъ набрасывалъ на особыхъ лоскуткахъ или листкахъ цѣлыя критическія записки. За это время онъ успѣлъ прочесть Римскую исторію Тацита, гдѣ зорскій взглядъ молодого писателя усмотрѣлъ выдающійся характеръ достопримѣчательнаго человѣка въ эпоху приближенія къ распаденію Римской Имперіи: въ своемъ письмѣ къ барону А. А. Дельвигу онъ уже высказываетъ то убѣжденіе, къ которому приводилъ его историкъ. «Чѣмъ болѣе читаю Тацита», говоритъ Пушкинъ, «тѣмъ болѣе мирюсь съ Тиберіемъ. Онъ былъ одинъ изъ величайшихъ государственныхъ умовъ древности¹⁾».

Въ запискѣ же (черновой) о народномъ воспитаніи, представленной Императору Николаю Павловичу, онъ считаетъ Тацита «великимъ сатирическимъ писателемъ, впрочемъ... исполненнымъ латинскихъ предразсудковъ»²⁾.

Пушкинъ, усвоивая весь историческій ходъ событій по

1) Соч. А. С. Пушкина, изд. Общ. для пособ. нуж. лит. и уч., т. VII, стр. 140.

2) Тамъ же, т. V. стр. 47.

свѣдѣніямъ, даннымъ упомянутымъ историкомъ, дѣлалъ мѣткія, логическія заключенія свои о кесарѣ Тиберіѣ. Посмотримъ же, что говоритъ Пушкинъ въ своихъ замѣчаніяхъ о Тацитѣ.

§ 1.

«[I]. Тиберій былъ въ Иллиріи, когда получилъ извѣстіе (объ смерти) о болѣзни престарѣлаго Августа. Неизвѣстно—засталъ ли онъ его въ живыхъ. Первое злодѣяніе его ¹⁾ (замѣчаетъ Тацитъ) было умерщвленіе Постумы ²⁾ Агриппы, внука Августа. Если въ *само-державномъ правленіи* убійство ³⁾ можетъ быть извинено государственною необходимостью, то Тиберій правъ. Агр[иппа], родной внукъ Августа, имѣлъ право на Власть и правился черни необычайною силою, дерзостью и даже простотою ума. Таковыя люди ⁴⁾ всегда могутъ имѣть большое число приверженцевъ или сдѣлаться орудіемъ хитраго мятежника.

Неизвѣстно, гов[орить] Т[ацитъ], Тиберій или его мать Ливія убійство сіе приказали. Вѣроятно—Ливія, но и Тиберій не пощадилъ бы его.

[II]. Когда сенатъ просилъ дозволенія нести тѣло Августа на мѣсто сожженія—Тиберій позволилъ сіе съ **насмѣшливой скромностью**.

Тиб[ерій] никогда не мѣшалъ изъявленію подлости, хотя и притворялся иногда, будто бы негодовалъ на оную, *но и сіе уже въ послѣдствіе*.

Въ началѣ ⁵⁾ же рѣшительный во всѣхъ своихъ дѣйствіяхъ, казался ⁶⁾ онъ запутаннымъ и скрытнымъ въ однихъ отношеніяхъ своихъ къ сенату.

¹⁾ Въ печати—«его злодѣяніе».

²⁾ Въ печати—«Постума».

³⁾ Въ печати—«убійство политическое».

⁴⁾ Въ печати—«лица».

⁵⁾ Въ печати—«вначалѣ».

⁶⁾ Въ печати—«кажется».

[III.] Августъ вторично испрашивалъ для Тиберія трибунства, точно ли въ насмѣшку и для невыгоднаго сравненія съ самимъ собою хвалилъ ¹⁾ наружность и нравы своего пасынка и наслѣдника?

Въ своемъ завѣщаніи (*могъ ли точно ли*) изъ единой ли зависти совѣтовалъ не распространять предѣловъ имперіи, простиравшейся (*заклочавшейся*) тогда отъ—до—?

52.

[IV.] Тиберій не могъ доволенъ быть ²⁾ Германикомъ, оказавшимъ много слабости въ погашеніи бунта легионовъ. Германикъ соглашается на требованія мятежниковъ, ограничиваетъ (*даетъ имъ отставку*) время службы, допускаетъ ³⁾ самовольныя казни, даже междуусобную битву. Блестящія пораженія непріятеля при Марсорскихъ селеніяхъ не заглаживаютъ столько ⁴⁾ явныхъ ошибокъ.

Тиберій въ своей рѣчи старался ихъ прикрыть риторическими украшеніями ⁵⁾, меньше хвалилъ ⁶⁾ Друза, но откровеннѣе и вѣрнѣе. Счастливыя обстоятельства благопріятствовали Друзу, но сей оказалъ и много (*болѣе*) благоразумія, не склонился на требованія мятежниковъ, самъ казнилъ первыхъ возмутителей, самъ водворяетъ ⁷⁾ порядокъ.

35.

[V.] Германикъ тщетно старался усмирить бунтъ легионовъ, (*обнажилъ мечъ и*) хотѣлъ заколоться въ глазахъ воиновъ. Его удержали.—Тогда одинъ изъ нихъ подаль ему свой мечъ го-

¹⁾ Въ печати—вставлено «онъ».

²⁾ Въ печати—«быть доволенъ».

³⁾ Въ печати—«допускаетъ».

⁴⁾ Въ печати—«столь».

⁵⁾ Зачеркнуто слово, которое нельзя разобрать

⁶⁾ Въ печати—вставлено «онъ».

⁷⁾ Въ печати—«водворилъ».

воря: онъ вострѣе. Это показалось—(гов. Т.)—слишкомъ злобно и жестоко самымъ яростнымъ мятежникамъ.

По нашимъ понятіямъ слово сіе было бы только грубая насмѣшка—но самоубійство также было обыкновенно въ древности, какъ поединокъ въ наши времена. Врядъ ли могъ Британикъ отказаться отъ сего предложенія когда бы прочіе не воспротивились. (Мы видимъ что)

Мать Мессалины совѣтуетъ ей убиться. Мессалина въ нерѣшимости подноситъ ножъ то къ горлу, то къ груди (*не въ силахъ будучи рѣшиться*). Мать ¹⁾ ее не удерживаетъ ²⁾.—Сенека не препятствуетъ своей женѣ Паулинѣ *рѣшившейся* послѣдовать за нимъ (*Неронъ*) и проч. Предложеніе война есть хладнокровный вызовъ, а не неумѣстная шутка.

53.

[VI.] Юлія, дочь Августа, *славная своимъ распутствомъ* и ³⁾ ссылкой Овидія, умираетъ въ изгнаніи ⁴⁾, въ нищетѣ м[ожетъ] б[ыть], но не отъ нищеты ⁵⁾ и голода, какъ пишетъ Тац[итъ]. (*Неспроятно*). Голодомъ можно заморить въ тюрьмѣ ⁶⁾.

[VII.] Тиберій отказывается отъ управленія государства, но изъявляетъ готовность принять на себя ту часть онаго; которую на него возложить.

Съвозъ раболѣпство Галла Азинія видитъ онъ его гордость и предприимчивость, негодуетъ на Скавра, нападаетъ на *Гонтерія* ⁷⁾, который подвергается опасности быть убиту войнами и спасенъ просьбами Августа Ливіи ⁸⁾.

Т[иберій] не допускаетъ, чтобы Ливія имѣла много поче-

¹⁾ Въ печати—«груди, и мать».

²⁾ Въ печати—«не останавливаетъ».

³⁾ Въ печати—«извѣстная ссылкой».

⁴⁾ Въ печати—«въ изгнаніи и въ нищетѣ».

⁵⁾ Въ печати—«нищенства».

⁶⁾ Зачеркнуто слово, которое нельзя разобрать.

⁷⁾ Въ печати—«Гонорія».

⁸⁾ Въ печати—«Они спасены просьбами Августа и Ливіи».

стей и вліянiя.—Не отъ зависти ¹⁾, какъ думаетъ Тацитъ, но увеличивая ²⁾, вопреки мнѣнію сената, число преторовъ, установленное Августомъ. (12.)

[VIII.] Первое дѣйствіе Тиб[еріевой] власти есть уничтоженіе народныхъ собраній на Марсовомъ полѣ—слѣдств[енно] и довершеніе уничтоженія ³⁾ республики. Народъ ропщетъ, сенатъ охотно соглашается.—(Тѣнь правленія перенесена въ сенатъ)“.—

При сличеніи приведенныхъ здѣсь нами толкованій о книгѣ Тацита съ вошедшими въ изданія сочиненій Пушкина, озаглавленными «Замѣчанія на анналы Тацита» ⁴⁾, и по провѣркѣ этихъ толкованій съ «Матеріалами Анненкова», т. е. съ имѣющимися у него выписками, которыя заключаются „въ нѣсколькихъ отрывочныхъ запискахъ“ ⁵⁾, объ императорѣ Тиберіѣ, намъ приходится обратить вниманіе на встрѣчающееся смѣшеніе рукописей: издатели, не признавая нужнымъ сдѣлать въ примѣчаніяхъ какія-либо объясненія по этому предмету, приводятъ читателя въ невозможности рѣшить вопросъ, сгруппированы ли ими самостоятельно въ «Замѣчаніяхъ» разныя отрывочныя свѣдѣнія о Тиберіѣ, или напротивъ того, они какъ бы перепечатаны съ одной рукописи. Въ сочиненіяхъ Пушкина, изданныхъ Литературнымъ Фондомъ, говорится только, что «первыя 9 замѣтокъ о Тацитѣ даны Анненковымъ въ его «Матеріалахъ», послѣдняя же заключается въ рукописи Румянцевскаго музея» ⁶⁾. Между тѣмъ, Анненковъ указываетъ только главы IV, V и VI, и приводитъ ихъ какъ примѣръ «способа веденія исторической полемики» ⁷⁾ Пушкинымъ, вос-

1) Въ печати—«не пзъ».

2) Въ печати—«онъ не увеличиваетъ».

3) Въ печати—«совершенное уничтоженіе».

4) Тамъ же, т. V, стр. 33—35.

5) «А. С. Пушкинъ. Мат. для его биограф.» . . . П. В. Анненковъ. 161 («Соч. А. С. Пушкина», изд П. В. Анненкова. Т. 1, СПб. 1855 г. Стр. 170—172.)

6) Соч. А. С. Пушкина, изд. Об. для пос. нуж. лит. и уч., т. V, стр. 36.

7) «А. С. Пушкинъ. Мат. для его биограф.» . . . П. В. Анненковъ. стр. 161.

пользовавшись для этого «нѣсколькими толкователями» и разными «отрывками» его записокъ.

Теперь становится яснымъ, благодаря найденнымъ нами рукописямъ, что приведенныя замѣтки Пушкина о Тиберіѣ представляютъ собою одно цѣлое, заключающееся въ 8 главахъ.

Девятая же замѣтка, касающаяся Вибіи Серена, внесенная Анненковымъ, какъ мы уже сказали, въ видѣ примѣра одного изъ отрывковъ о пониманіи Пушкинымъ Тиберія, а издателями сочиненій Пушкина вставленная въ «замѣчанія на анналы Тацита», извлечена изъ письма Александра Сергѣевича къ барону А. А. Дельвигу, помѣченного «изъ с. Михайловскаго 25 іюня 1825» ¹⁾ и заключаетъ въ себѣ косвенное изображеніе собственной судьбы поэта, какъ высланнаго изъ Петербурга въ отдаленный край Имперіи ²⁾.

Кромѣ того, приходится добавить, что чрезвычайно любопытно знать, имѣетъ ли связь 10-я замѣтка Пушкина, говорящая о понятіяхъ Тиберія и Наполеона Бонапарта, съ найденною нами рукописью ³⁾, т. е. не служитъ ли она продолженіемъ этой рукописи, и какими источниками воспользовались издатели сочиненій Пушкина, цитируя I, II, III, VII и VIII главы о Тиберіѣ, при ссылкѣ на «Матеріалы» Анненкова, гдѣ вовсе таковыхъ не встрѣчаемъ.

¹⁾ Соч. А. С. Пушкина, изд. Общ. для пособ. нужд. лит. и уч., т. II, стр. 140. «Нѣкто Вибій Серенъ, по доносу своего сына, былъ присужденъ римскимъ сенатомъ къ заточенію на какомъ-то безлюдномъ островѣ. Тиберій воспротивился сему рѣшенію, говоря, что человѣка, коему дарована жизнь, не должно лишать способовъ къ поддержанію жизни. Слова, достойныя ума свѣтлаго и человеколюбиваго».

²⁾ А. С. Пушкина сначала отправили въ Кишиневъ, потомъ въ Одессу, и, наконецъ, переведенъ онъ былъ на жительство въ имѣніе матери, извѣстное с. Михайловское, Псковской губерніи (1820—1824 г.г.).

³⁾ Найденныя нами рукописи заключаются въ трехъ четверткахъ листа сѣровой бумаги, слегка пожелтѣвшихъ и сложенныхъ пополамъ; написаны они перомъ, но строки чрезвычайно блѣдны, какъ выцвѣтшія отъ времени, и помѣчены одною жандармскою властью цифрами: 60, 62 и 61.

Цифры 52, 35 и 53, по всемъ вѣроятіямъ, обозначаютъ страницы книги Тацита.

III.

Лѣто 1826 г. было знойное; палящіе лучи солнца отнимали энергію къ труду; но духъ поэта не ослабѣвалъ, въ душѣ его таилось предчувствіе, что скоро наступятъ дни свободы: эти лучи надежды придавали ему силу и бодрость: кромѣ всегдашнихъ занятій «Евгеніемъ Онѣгинымъ» и «Борисомъ Годуновымъ», онъ посвящалъ время и для созданія другихъ стихотвореній. Такъ, изъ письма къ барону Дельвигу мы узнаемъ, что Пушкинъ отправилъ къ нему, кромѣ отрывковъ изъ «Онѣгина» и «Бориса Годунова», еще давно «обѣщанную элегію» для напечатанія въ *«Сверномъ Цветникѣ»* ¹⁾. Помѣчена эта элегія «29 іюля» и входитъ въ кругъ произведеній, имѣющихъ между собою общесвязующимъ звеномъ сердечныя воспоминанія прошлаго: мы говоримъ про піесы «Простишь ли мнѣ ревнивыя мечты» (Элегія 1823 г.), «Ненастный день потухъ, ненастной ночи мгла» (1823 г.), «Ночь» (1823 г.), «Заклинаніе» (1830 г.) и «Для береговъ страны далекой» (1830 г. ²⁾).

Эти элегіи относятся къ г-жѣ Ризничъ, женѣ одесскаго негоціанта, умершей въ Италіи ³⁾, и воспоминанія о ней сказались въ «Евгеніѣ Онѣгинѣ» слѣдующими строфами:

«А ложа, гдѣ, красой блистая,
«Негоціантка молодая,
«Самолюбива и томна,
«Толпой рабовъ окружена?
«Она и внемлетъ и не внемлетъ

1) Соч. А. С. Пушкина, изд. Общ. для пособ. нужд. лит. и уч., т. VII. стр. 194, № 192.

2) Тамъ же, т. I стр. 294, 295 и 296; т. II стр. 112 и 119.

3) О знакомствѣ ея съ Пушкинымъ см. ст. Зеленецкаго въ *«Русскомъ Вѣстникѣ»* 1856 г., № 11. Соперникомъ его былъ шляхтичъ Собаньскій (т. III, ст. 38 «Борисъ Годуновъ»). На смерть ея В. И. Туманскій, подружившійся съ Пушкинымъ въ Одессѣ, написалъ сонетъ и посвятилъ его Пушкину: «Ты: на землѣ была любви подруга, Твои уста дышали слаще розъ» (т. II, стр. 2).

«И каватинѣ и мольбамъ
 «И шуткѣ съ лестью пополамъ...
 «А мужъ—въ углу за нею дремлетъ,
 «Въ просонкахъ «фора» закричить,
 «Зѣвнетъ и снова захрапитъ»¹⁾).

Найденная нами элегія «Подъ небомъ голубымъ страны своей родной»²⁾, при сличеніи ея съ вошедшею въ изданія сочиненій Пушкина представляетъ нѣкоторую разницу. Вотъ этотъ первоначальный набросокъ³⁾:

«29 іюля 1826 года.

Подъ небомъ *сладостнымъ Италіи своей*⁴⁾
 Она томилась, увядала.
 Увяла наконецъ,—и вѣрно (*быть можетъ*) надо мной
 Младая тѣнь уже летала.
 Но недоступная черта межъ нами есть,
 Напрасно чувство возбуждалъ я:
 Изъ равнодушныхъ устъ я слышалъ смерти вѣсть,
 И равнодушно ей внималъ я.
 Такъ вотъ кого любилъ я *бурною* душой⁵⁾,
 Съ такимъ тяжелымъ напряженьемъ,
 Съ такою *пламенной* томительной тоской⁶⁾,
 Съ такимъ безумствомъ и мученьемъ.

1) Тамъ же, т. III, стр. 412.

2) Тамъ же, т. II, стр. 1 (На смерть г-жи Ризничъ).

3) Элегія эта написана чрезвычайно блѣдными чернилами на четверткѣ листа бумаги сѣроватаго цвѣта, пожелтѣвшей отъ времени, и помѣчена жандарм. властью цифрою 48; на оборотѣ того листа Пушкинъ написалъ карандашомъ перечень своихъ драматическихъ произведеній, а именно: «Скупой», «Ромулъ и Ремъ», «Мопартъ и Сальери», «Д. Жуанъ», «Иисусъ», «Веральдъ Савойской», «Павель I», «Влюбленный бѣсъ», «Дмитрій и Марина», «Курбскій»; эти же заглавія, для ясности, переписаны Анненковымъ, такъ какъ писанное Пушкинымъ едва возможно разобрать

4) Въ печати — «Подъ небомъ голубымъ страны своей родной»

5) Въ печати «пламенной душой».

6) Въ печати — «вѣжною томительной тоской».

Гду мука ¹⁾—гдѣ любовь? Увы. въ душѣ моей
 Для бѣдной (*милой*) легковѣрной тѣни,
 Для сладкой памяти невозвратимыхъ дней
 Не нахожу ни слезъ, ни пени.

29 іюля 1826 г.

Усл. о см. 25.

У. о. с. Р. П. М. К. Б. 24.

Относительно приведенной элегіи Анненковъ говоритъ: «піеса эта замѣчательна тѣмъ, что первый стихъ ея читается въ рукописи «Подъ небомъ сладостнымъ Италия своей». Это былъ, такъ сказать, настоящій стихъ, ближе выражающій самую мысль поэта, но онъ не имѣлъ рѣшимаго въ соответствующемъ ему третьемъ стихѣ, почему и перемѣненъ на тотъ, который теперь стоитъ въ началѣ піесы ²⁾».

Такъ говоритъ Анненковъ, касаясь одного стиха приведенной элегіи; между тѣмъ, мы встрѣчаемъ и въ другихъ стихахъ нѣкоторыя разновидности.

О начертаніи же начальныхъ буквъ подъ этою элегіей, вошедшей въ сочиненія Пушкина, изданныя Литературнымъ Фондомъ, встрѣчаемъ мы довольно подробныя объясненія: эти помѣтки слѣдуетъ читать: «услышалъ о смерти 25» іюля 1826 г., т. е. о смерти г-жи Ризничъ ³⁾. «Услышалъ о смерти Рылѣва, Пестеля, Муравьева, Коховскаго, Бестужева—24» іюля. Они казнены 13-го.

Въ другой замѣткѣ эти заглавныя буквы сопровождаются припиской: «Видѣлъ во снѣ».

Около того же времени Пушкинъ два раза набросалъ среди своихъ черновыхъ стихотвореній рисунокъ, который мы находимъ во многихъ изданіяхъ его сочиненій: Изображаетъ онъ крѣпостной валъ, ворота и висѣлицу съ патью повѣшен-

1) Въ печати—«муки».

2) «А. С. Пушкинъ. Мат. для его біогр.»... П. В. Анненковъ. Стр. 188.

3) Соч. А. С. Пушкина, изд. Общ. для пособ. нужд. лит. и учен., т. II, стр. 1.

ными. Приписано въ первый разъ: «И я бы...» и во второй: «И я бы могъ тутъ на.....¹⁾».

IV.

А. С. Пушкинъ въ августѣ 1830 г. отправился изъ Петербурга черезъ Москву въ родовое имѣніе своего отца, въ Нижегородскую губернію, въ с. Болдино, частью котораго отецъ поэта намѣревался ввести его во владѣніе, такъ какъ сдѣланное Александромъ Сергѣевичемъ предложеніе извѣстной московской красавицѣ Натальѣ Николаевнѣ Гончаровой было принято, и ему нужно было привести въ порядокъ свои нѣсколько запутанныя дѣла.

Москва же въ то время, когда Пушкинъ посѣтилъ ее проездомъ, была опустѣвшею: говоръ о холерѣ, появившейся тогда въ Россіи впервые, наводилъ всеобщее уныніе и страхъ. Самъ Пушкинъ былъ пораженъ такимъ явленіемъ. Едва пріѣхалъ онъ въ свою деревню, какъ очутился отрѣзаннымъ отъ міра: его отдѣлили отъ Нижняго и столицы карантинъ.

Но, проживъ въ деревнѣ нѣсколько мѣсяцевъ, онъ все-таки долженъ былъ ѣхать въ Москву, гдѣ его ожидала семья невѣсты: два раза пробовалъ онъ оставить имѣніе и всякій разъ возвращался обратно. Объ одной изъ такихъ поѣздокъ сохранилась интересная замѣтка Пушкина; подлинникъ ея²⁾ нѣсколько дорисовываетъ картину этой поѣздки, пополняя тѣ пробѣлы, которые оказались, какъ въ «Матеріалахъ» Анненкова³⁾, такъ и во всѣхъ изданіяхъ сочиненій Пушкина⁴⁾.

«Въ концѣ 1826 г. я часто видался съ однимъ дерпт-

¹⁾ Тамъ же, т. II, стр. 2.

²⁾ Написана она карандашемъ, на сложенныхъ пополамъ 3-хъ полулисткахъ сѣрватаго цвѣта, пожелтѣвшихъ отъ времени; одинъ полулистъ съ золотымъ обрѣзомъ, мѣстами строки стерлись, и ихъ едва возможно разобрать, и помѣчены они жандарм. властью цифр.: 2, 3, 4, 5, 6, и 7.

³⁾ «А. С. Пушкинъ. Мат. для его біогр.» П. В. Анненковъ. Стр. 273.

⁴⁾ Соч. А. С. Пушкина, изд. Общ. для пособ. нужд. лит. и уч., т. V, стр. 186—187.

скимъ студентомъ—(нынѣ онъ гусарскій офицеръ и промѣнялъ свои нѣмецкія книги, свое пиво, свои молодые поединки на гнѣдую лошадь и на польскія грязи)— *(настоящую войну)*.

Онъ много зналъ, чему научаются въ университетахъ, между тѣмъ какъ мы съ вами выучились танцовать.

Разговоръ его былъ простъ и важенъ. Онъ имѣлъ обо всемъ затвержденное понятіе, въ ожиданіи собственной повѣрки. Его занимали такіе предметы, о которыхъ я и не помышлялъ.

Однажды, играя со мною въ шахматы и давъ конемъ матъ моему королю и королевѣ, онъ мнѣ сказалъ: «Холера—morbus подошла къ нашимъ границамъ и черезъ пять лѣтъ будетъ у насъ».

(Надобно вамъ знать, что) о холерѣ имѣлъ я довольно темное понятіе, хотя въ 1822 г. старая молдаванская княгиня, набѣленная и нарумяненная, умерла при мнѣ въ этой *(страшной)* болѣзни. Я *(заставилъ)* сталъ его спрашивать—студентъ объяснилъ мнѣ ¹⁾, что холера—есть повѣтріе, что въ Индіи она поразила не только людей и животныхъ, но и самыя растѣнія, что она *желтой (черной)* ²⁾ полосой стелется вверхъ по теченію рѣкъ, что, по мнѣнію нѣкоторыхъ, она заражается отъ гнилыхъ плодовъ—и прочее все, чему послѣ мы успѣли наслышаться.

Такимъ образомъ, въ дальнемъ уѣздѣ [Псковской] губерніи, молодой студентъ и вашъ покорнѣйшій слуга вѣроятно одни во всей Россіи бесѣдовали о бѣдствіи, которое черезъ 5 лѣтъ сдѣлалось мыслью всей Европы *(какъ послѣ того не полюбить университетскаго ученія!)*.

Спустя *(черезъ)* 5 лѣтъ я былъ въ Москвѣ: домашнія обстоятельства требовали непременно моего присутствія въ нижегородской деревнѣ.

Передъ моимъ отъѣздомъ В[яземскій] показалъ мнѣ письмо, только что имъ полученное *(изъ тамошняго края, Саратов-*

1) Нѣсколько безсвязныхъ словъ зачеркнуто.

2) Въ печати—«желѣзною полосой».

ской): ему писали о холерѣ, уже перелетѣвшей изъ Астраханской г. ¹⁾ въ Саратовскую губернію.

По всему видно было, что она не минуетъ и Нижегородской—(о Москвѣ мы еще не беспокоились).—Я поѣхалъ съ равнодушіемъ, коимъ былъ обязанъ пребыванію моему между азіатцами.

(Въ Азіи мусульмане).

Они не боятся чумы, полагаясь на судьбу и на извѣстныя предосторожности, а въ моемъ воображеніи холера относилась къ чумѣ (въ сравненіи съ чумой), какъ элейя къ (эпической) дивирамбу. Пріатели, у коихъ дѣла были въ порядкѣ—(или въ привычномъ безпорядкѣ, что совершенно одно),—упрекали ²⁾ меня за то и важно говорили, что легкомысленное безчувствіе не есть еще истинное мужество.

На дорогѣ встрѣтилъ я Макарьевскую ярманку, прогнанную холерой. Бѣдная ярманка! Она бѣжала, какъ пойманная воровка, разбросавъ половину ³⁾ своихъ товаровъ, не успѣвъ пересчитать свои барыши!

Воротиться въ Москву казалось мнѣ малодушіемъ: я поѣхалъ далѣе, какъ, можетъ быть, случилось вамъ ѣхать на поединокъ: съ досадою и большою не охотою.

Едва успѣлъ я пріѣхать, какъ узнаю, что около меня оцѣпляются деревни, учреждаются карантинны (*Народъ ропщетъ, не понимая строгой необходимости и предпочитая зло неизвѣстности и загадочное непривычному своему стѣсненію, мятежи вспыхиваютъ то здѣсь, то тамъ нелѣтые*). Я занялся моими дѣлами, перечитывая Кольриджа, сочиняя сказки и не ѣздя по сосѣдямъ.

Между тѣмъ, начинаю думать о возвращеніи и беспокоиться о карантинѣ. Вдругъ 2 октября я получаю извѣстіе, что холера въ Москвѣ (*Я попался въ западню, какъ-то мнѣ будетъ*

¹⁾ Въ печати—«Астрахани».

²⁾ Два слова зачеркнуто, не разобрано.

³⁾ Въ печати—«въ половину свои товары».

вырваться на волю!). *Страхъ меня пронялъ—въ Москву..... но объ этомъ когда-нибудь послать.*

Я тотчасъ собрался въ дорогу и (*вытхалъ*) поспекалъ.

Проѣхавъ 20 верстъ ямщикъ мой останавливается: застава. Нѣсколько мужиковъ съ дубинами охраняли переправу черезъ какую то рѣчку. Я сталъ спрашивать ихъ (*выждать о карантинъ, о начальникъ*); ни они, ни я хорошенько не понимали, зачѣмъ они стояли тутъ съ дубинами и съ повелѣніемъ никого не пускать ¹⁾). Я доказывалъ имъ, что вѣроятно, гдѣ-нибудь да учрежденъ карантинъ, что не сегодня, такъ завтра на него наѣду, и (*вынести положенный срокъ*) въ доказательство предложилъ имъ серебряный рубль. Мужики со мной согласились, перевезли меня и пожелали многія лѣта».

Нѣтъ сомнѣній, что записка эта касается той именно поѣздки изъ Болдина въ Москву, которая не увѣнчалась успѣхомъ, т. е. Пушкинъ возвратился въ деревню. Подтверженіемъ сказаннаго служатъ нѣкоторые его письма ²⁾, а также, между прочимъ, и замѣчательное его стихотвореніе «Герой ³⁾»; всѣ они помѣчены «д. Болдино», «октябрь», «ноябрь» и «декабрь»; въ Нижнемъ же онъ былъ до закрытія ярмарки, отсюда не пропустилъ его въ Москву карантинъ. Далѣе въ этой замѣткѣ бросается въ глаза указаніе годовъ. Пушкинъ пишетъ **«въ концѣ 1826 г. я часто видался съ однимъ дерптскимъ студентомъ ⁴⁾»**, и далѣе: **«бесѣдовали мы о бѣдствіи, которое черезъ 5 лѣтъ сдѣлалось мыслью всей Европы!»** «Спусти 5 лѣтъ,—продолжаетъ онъ,—я былъ въ Москвѣ»...

Когда же пріѣхалъ Александръ Сергѣевичъ изъ Болдина въ Москву и когда писалъ онъ приведенную замѣтку?

1) Въ печати—«И».

2) Первое письмо изъ Москвы 9 декабря, т. VII, стр. 251, № 261; послѣднее письмо изъ деревни 2 декабря, т. VII, стр. 250, № 260.

3) Т. II, стр. 121.

4) Алексѣй Николаевичъ Вульфъ; это былъ сосѣдъ Пушкина по имѣнію (т. II, стр. 42, «А. Н. Вульфъ», т. VII стр. 85 № 273, стр. 120 № 106, стр. 158 № 144, стр. 164 № 149, стр. 179 № 169, стр. 204 № 204, стр. 212 № 214).

Онъ прїѣхалъ въ декабрѣ 1830 г., когда холера уже гуляла по разнымъ губерніямъ, но описанія хода эпидеміи, въ томъ самомъ видѣ, въ какомъ онъ былъ, конечно, не было извѣстно публикѣ.

Прїѣхавъ въ Москву, Пушкинъ не могъ свободно располагать собою, такъ какъ оставалось немного времени до свадьбы ¹⁾ и онъ за эти мѣсяцы почти ничего не писалъ. Холера же тогда достигла своего полнаго развитія, и сообщенія о такомъ бѣдствіи пришли изъ отдаленнѣйшихъ угловъ Россіи: для медицины и печати были ясны разнообразнѣйшіе фазисы холеры, о ней разсуждали во всѣхъ слояхъ общества, тогда она уже «сдѣлалась мыслью всей Европы». Это былъ 1831 годъ.

Противъ такого заключенія врядъ ли можно спорить. Между тѣмъ, издатели сочиненій Пушкина произвольно замѣнили въ запискѣ Пушкина 1826 годъ 1825-мъ, хотя и говорятъ, что эта замѣтка о холерѣ написана, по всѣмъ вѣроятіямъ, позднѣе 1831 г. Анненковъ же въ своихъ «Матеріалахъ» относитъ эту замѣтку къ концу 1830 г., имѣя въ виду, что она касается описанія того времени, не замѣняя 1826-й г. другою датой.

Д. Сапожниковъ.

¹⁾ 18 февраля 1831 г. въ церкви Большого Вознесенія.